

берега, повернули в пролив у Фароса, прошли Иерон (или разбили византийскую эскадру у Иерона) и достигли суши у Трикефала, на вифинском побережье. На Константинополь было произведено нападение с суши и моря, от Мидии до Силимврии. Византийским флотом командовал Иоанн Радин»¹⁵.

Гипотеза Р. Дженкинза вызвала большой интерес в византиноведении, у нее нашлись сторонники и противники. В 1951 г. к гипотезе присоединился А. А. Васильев, который, однако, отметил трудность расшифровки отрывка¹⁶. В советской историографии выводы Дженкинза положительно оценили М. В. Левченко, Г. Г. Литаврин, А. Н. Сахаров и др.¹⁷

В 1952 г. с возражением против статьи Дженкинза выступил Долли, утверждавший, что Псевдо-Симеон имеет в виду не поход Олега, а экспедицию Льва Триполитанина¹⁸. Однако точка зрения Долли является спорной, поскольку «русский» список включает пункты, расположенные на Черноморском побережье (Месемврия, мыс Эмос, Мидия), Босфоре и Мраморном море (Иерон, Фарос, Силимврия, мыс Трикефал), куда в 904 г. флот Льва Триполийского не входил.

Гипотезу Дженкинза подверг критике и К. Манго¹⁹. На точку зрения Манго оказал влияние Ф. И. Успенский, с которым автора роднит прежде всего сам подход к исследованию данной проблемы — игнорирование «русского» списка географических названий и изучение лишь одного отрывка о руси-дромитах²⁰. Ф. И. Успенский сближает с данным отрывком имеющийся у Продолжателя Феофана рассказ о чудесах патриарха Иоанна VII Грамматика (837—843). Согласно этому сообщению, Иоанну чудесным образом удалось отвратить от грабежа населения Византии дикое языческое племя. Это племя Успенский отождествляет с русскими на том основании, что русские в это время напали на Византию. По его мнению, на это же событие намекает и отрывок о руси-дромитах. Дромитами, считает исследователь, русские были названы за то, что быстро сбежали из Византии²¹. Данный отрывок Успенский датирует временем до 842 г., т. е. периодом правления императора Феофила и патриаршества Иоанна²². Но сам же Успенский считает, что рассказ о чудесах Иоанна мог быть просто легендой, созданной для того, чтобы объяснить состояние одной из статуй константинопольского ипподрома²³. На наш взгляд, это мнение вполне справедливо. Однако оно ставит под сомнение саму гипотезу Успенского, и прежде всего датировку похода. Исследователь пытается найти аналогию свидетельствам Псевдо-Симеона в рассказах русской летописи о набегах Руси на Византию времен Аскольда и Дира, предлагая изменить датировку этих походов. Но и эта аналогия представляется нам весьма сомнительной.

Подобно Ф. И. Успенскому, К. Манго также отвергает «русский» список; он основывает свое исследование лишь на анализе трудно понимаемого и испорченного отрывка, который он пытается реконструировать и расшифровывает следующим образом: «Русские, также называемые дромитами, получили свое имя от некоего могущественного Росса, после того как им удалось спастись от последствий (избежать последствий) того, что предсказали о них оракулы, благодаря какому-то предостережению или божественному озарению того, кто господствовал над ним. Дромитами они назывались потому, что обладали способностью быстрого передвижения»²⁴.

Таким образом, полагает Манго, в отрывке содержится намек на пророчество, сделанное каким-то оракулом (подобно пророчеству Василия Нового о походе Игоря в 941 г.), которое и предсказало полное поражение русских. Но русским удалось спастись бегством от полного разгрома благодаря способностям их предводителя Росса. Однако трудность датировки и атрибуции отрывка делает выводы исследователя менее уверенными. «Когда нужно связать наш отрывок с определенным историческим событием, мы не находим для этого достаточно твердой почвы», — вынужден констатировать Манго²⁵. С одной стороны, под влиянием Ф. И. Успенского Манго